

A dark, atmospheric illustration of a man sitting by a train window. He is looking out at a rainy city street with tracks visible. The scene is dimly lit, with rain streaks visible on the window. The man is in silhouette, looking out with a somber expression.

Александр Восьмой

Прихоть 10: Поезд

18+

Александр Восьмой
Прихоть 10: Поезд

«Автор»

2026

Восьмой А.

Прихоть 10: Поезд / А. Восьмой — «Автор», 2026

Путешествие в никуда: как я сел не на тот поезд и нашёл себя. Случайная ошибка на вокзале запускает цепочку абсурдных событий: герой попадает в город, где все говорят загадками, участвует в фестивале «День тишины», знакомится с людьми, которые ищут то же, что и он, хотя сами не знают, что это. Ироничная, тёплая и очень смешная история о том, как ошибки становятся лучшими приключениями.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Прихоть 10: Поезд

Глава 1. «Билет в случайность: или как я перепутал платформы»

Вокзал гудел, как рассерженный улей, в котором кто-то случайно потряс банку с мёдом. Сотни людей неслись по перронам, будто от скорости зависело, успеют ли они не опоздать на свою судьбу. Чемоданы стучали колёсиками по плитке, объявления срывались с динамиков хриплым эхом, а воздух пах кофе, пылью и чужим беспокойством. В этом хаосе я чувствовал себя удивительно собранным — по крайней мере, мне так казалось.

Я проверил список в телефоне: билет, паспорт, наушники, термос (обязательно!), запасной носок (на всякий случай, ведь жизнь — штука непредсказуемая). Всё на месте. Я даже улыбнулся собственной предусмотрительности и бодро шагнул к кассе, чтобы забрать распечатанный билет. Кассирша, не поднимая глаз, протянула мне конверт. Я кивнул, сунул его в карман, бросил «спасибо» в сторону её бейджика и рванул к нужной платформе — так решительно, будто не билет купил, а уже выиграл это путешествие.

Платформа гудела предвкушением. Поезд стоял, блестя боками, словно знал, что вот-вот увезёт кого-то навстречу великим свершениям. Я втиснулся в тамбур, нашёл своё место, сел у окна и выдохнул. Пять минут. Ровно пять минут я сидел и гордился собой. «Вот это организация, — думал я, поправляя термос. — Ни одной ошибки. Всё под контролем».

А потом поезд тронулся.

Сначала я не придавал этому значения. Ну тронулся и тронулся — значит, пора. Но чем дальше мы отъезжали, тем сильнее меня грызло странное чувство, будто что-то не так. Я достал билет, развернул его и уставился на строчку с номером поезда. И тут меня накрыло волной ледяного осознания: я сел не на тот поезд. Более того — я сел на поезд, который, судя по маршруту, ехал туда, где, по карте, вообще не было населённых пунктов. Только леса, поля и, возможно, пара одиноких сов, которые наверняка удивлялись, зачем вообще построили железную дорогу в эту глушь.

«Нет-нет-нет, — мысленно забормотал я, пытаюсь сохранить лицо перед самим собой. — Тут какая-то ошибка. Наверное, это экспресс, который делает крюк. Или... или это новый маршрут, о котором ещё не успели написать в интернете. Да, точно! Инновационный подход к логистике: сначала везём пассажиров в никуда, а потом — сюрприз! — открываем там город».

Я выглянул в окно. За стеклом проплывали деревья, одинаковые, как близнецы, и ни намёка на цивилизацию. Ни вывесок, ни домов, ни даже одинокого ларька с шаурмой — а ведь если где и можно было ожидать жизни, так это у ларька с шаурмой.

«Ладно, — решил я, стараясь звучать в голове уверенно. — Даже если это не экспресс, даже если это поезд-призрак, я всё равно извлеку пользу. Это приключение. Это опыт. Это... ну, скажем, полевое исследование транспортной системы».

Сосед по купе, пожилой мужчина в клетчатой кепке, покосился на меня и тихо произнёс:

— Ты не переживай. Тут все сначала паникуют. А потом привыкают.

— Привыкают к чему? — осторожно спросил я.

— К тому, что иногда самое правильное место — это то, куда ты случайно попал.

Я хотел было возразить, сказать, что у меня есть чёткий план, что я ехал совсем в другую сторону и вообще у меня термос с чаем, который нельзя было оставлять дома, но слова застряли где-то в горле. Потому что в этот момент поезд плавно повернул, будто подмигнул мне и сказал: «А давай посмотрим, что там за поворотом?»

И я вдруг понял: да, я сел не на тот поезд. Но, возможно, именно этот поезд и был мне нужен. Просто я ещё не знал об этом.

За окном мелькнул указатель — старый, покосившийся, с едва читаемой надписью. Я прищурился, пытаюсь разобрать буквы, и улыбнулся. Кажется, приключение начиналось.

Глава 2. «Пейзаж за окном: когда природа решает пошутить»

Поезд летел вперёд, будто пытался обогнать собственную тень. За окном мелькали пейзажи, названия которых звучали как заклинания из забытого учебника по магии: «Урочище Шепчущих Камней», «Болото Тихого Смеха», «Холм, Который Никогда Не Смотрит На Юг». Я достал блокнот и твёрдо решил зафиксировать всё это — чтобы потом, когда буду рассказывать эту историю друзьям (а я точно буду её рассказывать, даже если придётся стоять на табуретке в пустой комнате), никто не сказал: «Да ты всё выдумал!»

Я вывел аккуратным почерком: «Болото Тихого Смеха». И тут же почувствовал, что что-то не так. Строчки будто жили своей жизнью: первая плавно сползла вниз, вторая изогнулась дугой, а третья вообще сделала петлю, словно пыталась изобразить танец. Я нахмурился, перечитал написанное и вздохнул. Блокнот явно был в сговоре с местностью.

Ручка тоже решила внести свою лепту в этот хаос. Ещё пять минут назад она писала безупречно чёрным, а теперь вдруг выдала ярко-зелёную линию — такую сочную, будто чернила впитали в себя всю зелень окрестных лугов.

— Ну конечно, — пробормотал я себе под нос. — А чего я ожидал? Мы едем туда, где реки поворачивают не туда, а деревья кивают не в такт ветру.

Сосед в клетчатой кепке, который, кажется, воспринимал все странности как нечто само собой разумеющееся, покосился на мои каракули и спокойно заметил:

— Тут у всего свой характер. Даже у ручки. Она, наверное, решила, что зелёный — это цвет истины.

Я хотел было возразить, что истина должна быть чёрной и разборчивой, но вовремя прикусил язык. В конце концов, кто я такой, чтобы спорить с местной логикой?

За окном река сделала поворот, который нарушал все законы геометрии. Она изгибалась так, будто её чертили с закрытыми глазами, да ещё и в темноте, да ещё и левой рукой. Я уставился на неё, пытаюсь найти хоть какое-то рациональное объяснение.

«Может, это оптическая иллюзия? — подумал я. — Или особенность рельефа? Или... или река просто сегодня не в настроении?»

Поезд слегка тряхнуло на стыке рельсов, и я едва не уронил блокнот. Когда я поднял его, строчка про «Болото Тихого Смеха» уже выглядела так, будто её писал кто-то другой — небрежно, размашисто, с завитушками, которых я никогда не ставил.

— Это уже не мои заметки, — признался я соседу. — Это блокнот ведёт дневник за меня. Тот лишь пожал плечами:

— Главное, чтобы он не начал давать советы. У меня в прошлом году так календарь советы раздавал. До сих пор не могу забыть рекомендацию «не спорить с утками».

Я снова выглянул в окно. Поля сменялись лесами, леса — полями, а между ними проскальзывали странные детали: камень, подозрительно похожий на застывшего великана; дерево, ветви которого складывались в очертания вопросительного знака; и одинокий столб, который стоял не прямо, а под углом, будто собирался куда-то уйти, но передумал.

В этот момент поезд замедлился, будто сам начал присматриваться к местности. За окном показался небольшой городок — такой, словно его собирали из разных эпох и забыли согласовать детали между собой. Крыши домов были разной формы, заборы стояли под странными

углами, а вывеска на здании вокзала будто подмигивала: буквы на ней то появлялись, то исчезали, как будто играли в прятки.

Сердце ёкнуло. Не от страха — от предвкушения. Я понял: мы приехали. Или, точнее, мы оказались.

Я захлопнул блокнот, который напоследок выдал мне ещё одну загадочную строчку — явно не мою, — и улыбнулся.

— Кажется, приключения продолжаются, — сказал я скорее себе, чем соседу.

Тот кивнул, поправил кепку и тихо добавил:

— А они тут никогда и не заканчивались. Просто ты только сейчас начал их замечать.

Глава 3. «Станция “Нигде-то”»: первое знакомство с городом, где всё не как у людей»

Я шагнул на перрон — и будто провалился в паузу. Не в тишину, нет: тишина — это когда просто ничего не звучит. А тут была именно пауза — такая, в которую хочется вставить слово, но боишься, что оно прозвучит слишком громко и нарушит какой-то важный, никому не понятный порядок вещей. Даже мои ботинки, казалось, ступали осторожнее, будто сами понимали, что здесь принято ходить на цыпочках.

Название станции висело над платформой большой деревянной вывеской, но прочитать его целиком никак не получалось. Буквы то прятались за тенью, то слегка сдвигались, будто им было неловко стоять рядом друг с другом. Я прищурился, пытаюсь поймать хоть один устойчивый слог. «Ни... где... то...», — складывал я по кусочкам, а потом вывеска подмигнула мне — буква «Г» плавно перетекла в «Ч», и получилось уже что-то совсем другое.

— Не старайтесь, — раздался рядом спокойный голос.

Я подпрыгнул на месте, хотя старался выглядеть невозмутимо. Рядом стоял невысокий мужчина в пальто, которое, казалось, знало о моде больше, чем сам город. Он смотрел на меня с лёгкой улыбкой, будто заранее знал, что я буду пытаться разгадать название.

— Тут название само выбирает, кому и как себя показать, — пояснил он, поправляя шарф. — Кому-то «Нигде-то», кому-то «Где-то-не-здесь», а одному гостю вообще выдало «А вы точно сюда?»

— И что это значит? — осторожно спросил я, стараясь не выдать, что уже начинаю сомневаться в собственной адекватности.

— А это значит, что город решает, как с вами разговаривать. И пока он присматривается, лучше не спорить.

Я кивнул, потому что спорить действительно не хотелось. Вместо этого я огляделся. Город выглядел так, будто его собирали из кусочков разных мест и времён, а потом решили, что «и так сойдёт». Дом с колоннами соседствовал с постройкой, напоминающей перевёрнутую лодку, а между ними тянулась узкая улочка, которая, казалось, не столько вела куда-то, сколько предлагала подумать, стоит ли туда идти.

Мимо прошла женщина с корзинкой, из которой выглядывало что-то подозрительно похожее на часы с крыльями. Она кивнула мне и сказала:

— Если ищите смысл — попробуйте поискать его после обеда. До обеда он тут обычно прячется.

Я хотел уточнить, где именно прячется смысл и не нужно ли для этого специальное разрешение, но она уже свернула за угол, оставив меня наедине с ощущением, что я попал в место, где логика ходит на обед по расписанию.

Тут ко мне подошёл мальчишка лет двенадцати, посмотрел внимательно и выдал:

— Вы новенький? Тогда вам надо к тётё Маре. Она знает, где выдают ответы. Правда, они не всегда подходят к вопросам, но это уже детали.

— А где мне найти тётю Мару? — спросил я, уже почти не удивляясь тому, как строятся диалоги.

Мальчишка задумался, почесал нос и сказал:

— Она там, где тень длиннее обычного. Или там, где чай заваривают не водой. В общем, вы поймёте.

И убежал, оставив меня стоять посреди перрона с чувством, что я только что получил самую полезную и одновременно самую бесполезную инструкцию в жизни.

Сосед по купе, тот самый мужчина в клетчатой кепке, вышел следом за мной, спокойно огляделся и хмыкнул:

— Ну вот, ты и добрался. Теперь главное — не пытайся всё объяснить. Тут объяснение — это как зонтик в шторм: вроде бы вещь полезная, но не всегда спасает.

— Но мне хотя бы понять, где я, — возразил я. — И как отсюда уехать, если вдруг... ну, если вдруг я решу, что мне пора.

— Сначала пойми, зачем ты здесь, — спокойно ответил он. — А с отъездом разберёшься потом. Или не разберёшься. Тут тоже варианты бывают.

Я вздохнул, сунул руки в карманы и вдруг почувствовал, что даже воздух здесь другой — чуть более задумчивый, чем везде. Он будто приглашал не спешить, не искать быстрых ответов, а просто постоять и послушать, как город шепчет свои загадки.

В этот момент вывеска над станцией снова шевельнулась, и на этот раз я чётко прочитал: «Нигде-то. Добро пожаловать».

И, странно, но я вдруг почувствовал, что действительно рад быть здесь. Пусть и ненадолго. Пусть и случайно. Но именно здесь и именно сейчас.

Город тихо улыбнулся мне — не словами, а изгибом улицы, тенью от фонаря и лёгким шорохом листьев, который звучал как первый, самый осторожный намёк на большую историю. И я понял: приключение только начинается.

Глава 4. «Язык загадок: как научиться понимать “да” без слов»

Я стоял посреди площади, которая, казалось, была специально спроектирована так, чтобы сбивать с толку: дорожки расходились в стороны, будто спорили друг с другом, куда вести, а в центре возвышался фонтан, из которого вода текла не вниз, а как будто прислушивалась к чему-то в воздухе, прежде чем решиться упасть.

Моя цель была простой и понятной (по крайней мере, мне так казалось): выяснить, где я нахожусь и как отсюда уехать. В голове я уже расписал идеальный диалог: «Добрый день! Подскажите, пожалуйста, как добраться до ближайшего крупного города?» — «Прямо два квартала, потом налево, автобус каждые полчаса». Всё чётко, по делу, без лишних метафор.

Но город «Нигде-то» не любил простые решения.

Первым, к кому я подошёл, был старик, сидевший на скамейке и кормивший голубей крошками, которые выглядели подозрительно как кусочки печенья с предсказаниями. Я вежливо кашлянул и начал:

— Простите, не подскажете, как отсюда выбраться? Ну, в смысле, как уехать в нормальный город?

Старик поднял глаза, посмотрел на меня так, будто пытался прочитать по моему лицу, насколько я готов к правде, и медленно произнёс:

— Дорога сама найдёт того, кто не торопится её искать.

Я моргнул.

— То есть... автобус есть? Или поезд? Или хотя бы такси?

Он слегка наклонил голову, будто взвешивал каждое слово:

— Иногда самый быстрый путь — это тот, который делает тебя чуть счастливее по дороге.

Я ждал кулаки — не от злости, а чтобы удержать желание схватить его за плечи и спросить: «Пожалуйста, просто скажите, где остановка!» — но вместо этого вежливо кивнул и отошёл, чувствуя себя студентом, который впервые пришёл на лекцию по древнему диалекту без словаря.

Следующей была женщина в длинном плаще, которая развешивала на верёвке не бельё, а... облака. По крайней мере, они выглядели как облака — пушистые, белые, и при этом вполне себе держались на прищепках.

— Простите, — начал я уже осторожнее, — а вы не знаете, где тут транспорт? Или хотя бы карта?

Она не обернулась, но улыбнулась краем губ:

— Карты здесь не помогают. Они показывают то, что было, а не то, что есть. Лучше смотри на тени — они честнее.

— На тени? — переспросил я. — То есть... направление по тени определять?

— Не направление, — мягко поправила она. — Настроение дороги. Если тень длинная и задумчивая — путь будет неспешным. Если короткая и резкая — жди сюрпризов.

Я хотел было уточнить, как именно выглядит «задумчивая тень», но вовремя остановился. Вместо этого я просто пробормотал: «Спасибо, это... очень полезно», — и попятился, пока она не начала объяснять мне философию прищепок.

На углу площади я заметил киоск с надписью «Всё, чего не хватает». За прилавком стоял парень в очках, которые, казалось, увеличивали не предметы, а смыслы.

— У вас тут случайно нет расписания автобусов? — спросил я, стараясь говорить максимально нейтрально, без намёка на иронию.

Парень посмотрел на меня, потом на небо, потом снова на меня — и выдал:

— Всё станет ясно, когда перестанет быть туманно.

Я уставился на него.

— Сейчас же ясно, — возразил я. — Ну, почти. Облаков немного.

— Туман не всегда снаружи, — спокойно ответил он. — Иногда он внутри. И пока он не рассеется, стрелки часов будут показывать не время, а надежды.

Я глубоко вздохнул и понял, что мне нужен переводчик. Или хотя бы разговорник. Что-то вроде: «Фраза: “Дорога сама найдёт...” Перевод: “Автобуса нет, но не расстраивайся”».

Тут рядом возник тот самый мальчишка, который вчера советовал искать тётю Мару. Он посмотрел на меня с сочувствием, будто видел, как я медленно, но верно теряю связь с привычной логикой.

— Ты всё ещё пытаешься понять их слова? — спросил он.

— Да, — признался я. — Очень.

— Тут не слова надо понимать, — сказал он, поправляя кепку. — Тут надо понимать паузы. И кивки. И то, как человек смотрит на облака, когда говорит.

— Это как? — не понял я.

— Ну вот смотри, — он показал на старика, который теперь не кормил голубей, а просто смотрел вдаль. — Если он кивает и смотрит влево — значит, «возможно». Если вправо — «лучше не надо». А если вверх — значит, он сам не знает, но хочет выглядеть мудрым.

Я невольно хихикнул.

— А если он просто шею разминает?

Мальчишка пожал плечами:

— Тогда это местный способ медитации. Тут всё можно трактовать как угодно — главное, чтобы тебе от этого становилось спокойнее.

Я огляделся. Площадь жила своей странной жизнью: кто-то обсуждал погоду так, будто это была государственная тайна, кто-то кивал в сторону горизонта, будто там висело невидимое расписание, а кто-то просто сидел и слушал, как ветер шепчет ему что-то важное.

И вдруг меня накрыло странное чувство — не паники, а какого-то внутреннего расслабления. Я понял: я не смогу заставить этот город говорить на моём языке. Но, возможно, я смогу научиться слышать его язык — даже если он состоит из намёков, пауз и взглядов на облака.

В этот момент старик, тот самый, с голубыми, снова посмотрел на меня и чуть заметно кивнул — влево.

Я улыбнулся.

«Возможно», — подумал я. И этого оказалось достаточно.

— Спасибо, — сказал я ему вслух, уже не ожидая конкретного ответа.

Он просто кивнул ещё раз — и в этом кивке было больше смысла, чем в любом расписании.

Город «Нигде-то» продолжал шептать свои загадки, а я стоял посреди площади и чувствовал, как привычная спешка потихоньку отпускает меня. Может быть, именно в этом и был секрет: чтобы найти дорогу, иногда нужно сначала перестать её искать — и просто послушать, как город рассказывает свою историю.

А история, судя по всему, только набирала обороты.

Глава 5. «Комната без адреса: как снять жильё, если никто не называет улиц»

К вечеру спешка окончательно выдохлась. Ноги гудели, рюкзак стал казаться тяжелее, чем при посадке в тот самый «неправильный» поезд, а желание просто сесть, снять ботинки и перестать пытаться всё объяснить самому себе стало почти непреодолимым.

Я брёл по улице, которая, казалось, не столько вела куда-то, сколько предлагала подумать, действительно ли мне туда надо. Дома стояли под странными углами, будто стеснялись смотреть прямо на прохожих, а таблички с названиями улиц либо отсутствовали вовсе, либо выглядели как абстрактные картины: завитки, точки, один раз — силуэт кота, задумчиво глядящего в сторону горизонта.

В конце концов я остановился у невысокого дома с крышей, напоминавшей сложенные крылья, и постучал. Дверь открылась сама — не резко, а так, будто сначала подумала, стоит ли, и только потом решила, что да.

На пороге стояла женщина лет пятидесяти, в платке, который, казалось, умел менять узор в зависимости от настроения хозяйки. Она посмотрела на меня спокойно, без удивления — будто каждый вечер к ней стучались потерянные путешественники, и это было самой обычной частью быта.

— Можно... ну, комнату на ночь? — спросил я, стараясь звучать уверенно, хотя внутри всё ещё крутилось: «А вдруг тут комнаты не сдают? Вдруг тут вообще не понимают слово “комната”?»

Хозяйка чуть наклонила голову, будто прислушивалась не к словам, а к тому, что за ними прячется. Потом подняла руку и сделала жест — не совсем «да», не совсем «подождите», а что-то среднее между «проходите» и «мир не рухнет, если вы останетесь». И произнесла одно слово:

— Возможно.

Я замер. «Возможно» — это ведь не «да». Но и не «нет». В городе «Нигде-то», видимо, «возможно» было высшей формой гостеприимства.

— Спасибо, — сказал я, осторожно переступая порог. — То есть... если это «возможно» означает «да», то спасибо. А если «возможно» — это «спросим у дверей», то я тоже согласен.

Она едва заметно улыбнулась, будто оценила мою попытку договориться с реальностью на её условиях, и жестом пригласила внутрь.

Дом оказался уютным до абсурда: в нём пахло тёплым деревом, сушёными травами и чем-то ещё — может быть, тишиной, которую здесь умели заваривать как чай. Но ориентироваться в нём было невозможно. Коридоры плавно перетекали друг в друга, углы появлялись и исчезали, а двери... двери жили своей жизнью.

Одна приоткрылась, будто подмигнула. Другая, напротив, демонстративно осталась закрытой — не грубо, а с достоинством, как человек, который сегодня просто не в настроении общаться. Третья вообще слегка покачнулась, словно раздумывала, стоит ли вообще считаться дверью.

Хозяйка шла впереди, не торопясь, и время от времени делала короткие жесты: «сюда», «не сюда», «может быть, туда». Я кивал, стараясь выглядеть так, будто понимаю эту систему навигации, хотя на самом деле чувствовал себя участником танца, где все знают шаги, кроме меня.

Наконец мы остановились у одной из дверей — самой неприметной, без ручки, без таблички, без намёка на то, что за ней вообще что-то есть. Хозяйка снова подняла руку, на этот раз показывая на дверь, потом на меня, потом куда-то вверх — возможно, на потолок, а возможно, на идею уюта в целом.

— Это... моя комната? — уточнил я.

Она кивнула. Или, точнее, сделала движение, которое можно было трактовать как кивок, если очень хотелось верить, что тебе рады.

— И... как она называется? Ну, чтобы я не перепутал и не зашёл случайно в чулан или в библиотеку?

Хозяйка на секунду задумалась, будто пыталась вспомнить, есть ли у комнат имена, и наконец произнесла:

— Та, что ждёт.

Я моргнул.

— «Та, что ждёт»? — переспросил я. — Это... номер? Название? Философская концепция?

Она снова улыбнулась — на этот раз чуть шире — и жестом показала, что пояснения закончились.

Дверь, будто услышав своё имя, тихо скрипнула и приоткрылась ровно настолько, чтобы я мог проскользнуть внутрь.

Комната оказалась маленькой, но удивительно правильной: кровать с лоскутным одеялом, столик, на котором стояла чашка (пустая, но явно приготовленная заранее), и окно, за которым уже сгущались сумерки. На стене висела табличка — не с номером, а с надписью: «Здесь можно выдохнуть».

Я поставил рюкзак, сел на край кровати и наконец позволил себе расслабиться. И тут же понял одну вещь: я не знаю, на какой улице нахожусь. Не знаю номера дома. Не знаю даже, смотрит ли эта комната на север или на сторону, где солнце забывает вставать.

Но, странное дело, именно это незнание вдруг принесло странное облегчение. Как будто, пока я не могу ничего объяснить, мне и не нужно ничего объяснять.

В дверь тихо постучали — не хозяйка, а мальчишка, тот самый, что вчера советовал слушать паузы. Он заглянул, протянул мне свёрток и сказал:

— Тётя Мара сказала, что тебе пригодится. Тут плед. И ещё... она сказала, что если ночью проснёшься и не поймёшь, где ты, — просто посмотри на окно. Луна тут всегда знает, где дом.

Я взял плед, кивнул, чувствуя, как внутри разливается тепло — не только от ткани, но и от этой странной, ни на что не похожей заботы.

— Спасибо, — сказал я. — А... ты не знаешь, как называется эта улица? Ну, просто чтобы я мог кому-нибудь сказать: «Я живу на такой-то улице».

Мальчишка на секунду задумался, потом пожал плечами:

— Тут улицы не называют. Они сами выбирают, как к ним обращаться. Сегодня эта может быть «Та, что помнит шаги», а завтра — «Та, где ветер шепчет». Главное — чтобы она тебя помнила.

Он подмигнул и исчез в полумраке коридора, оставив меня одного с ощущением, что я наконец-то нашёл место, где можно просто быть — без адресов, без точных координат, без необходимости всё контролировать.

Я завернулся в плед, подошёл к окну и посмотрел на небо. Луна действительно смотрела уверенно, будто знала все секреты города и была готова поделиться хотя бы одним.

И я вдруг понял: возможно, именно в этом и был смысл путешествия — не найти правильный адрес, а научиться чувствовать, где тебе рады. Даже если этот «где» не обозначен ни на одной карте.

Город «Нигде-то» тихо укрыл меня своим уютом, и впервые за долгое время я заснул, не пытаясь ничего понять — просто доверяя тому, что всё как-нибудь сложится.

Глава 6. «Завтрак с подвохом: меню, которое читает тебя»

Утро в «Нигде-то» начиналось не с будильника, а с ощущения, что город уже знает, каким будет твой день — и, возможно, даже немного за него переживает. Окно в комнате тихонько поскрипывало, будто перешёптывалось с ветром, а воздух был наполнен запахом чего-то тёплого, пряного и подозрительно мудрого — как будто даже ароматы тут старались донести до тебя какую-то важную мысль.

Я натянул куртку, поправил шарф (который, кажется, за ночь слегка изменил узор — теперь на нём виднелся намёк на лабиринт) и отправился на поиски завтрака. Вчерашний мальчишка не зря шепнул на прощание: «Если хочешь понять город — начни с еды. Тут даже бутерброд может быть метафорой». Тогда я лишь хмыкнул, а теперь всерьёз задумался: а вдруг он был прав?

Столовая обнаружилась почти случайно — её не выдавали ни яркая вывеска, ни аппетитный запах жареной колбасы. Вместо этого дорогу подсказывали детали: тень от фонаря лежала на тротуаре особенно уютно, а кошка, сидевшая на заборе, при моём приближении медленно кивнула — будто подтвердила: «Да, тебе сюда».

Внутри пахло корицей, мёдом и чем-то неуловимо знакомым — как запах дома, который ты видел только во сне. За стойкой стоял мужчина в колпаке, который сидел на его голове не ровно, а чуть набекрень, словно подчёркивал: «Мы тут не про строгость, мы про нюансы».

— Доброе утро, — начал я осторожно, стараясь звучать как человек, который привык к обычным заведениям, где меню — это просто список блюд. — Можно что-нибудь простое? Ну, яичницу, тост... что-то, что не требует философского осмысления.

Повар посмотрел на меня так, будто я только что попросил выдать ему инструкцию к счастью, и слегка наклонил голову:

— Простое — понятие относительное. Для кого-то простой завтрак — это хлеб и вода. Для кого-то — ответ на вопрос, который он боялся задать.

Я слотнул.

— Ладно, — сказал я, стараясь сохранить спокойствие. — Тогда... просто что-нибудь. Без скрытых смыслов.

Он улыбнулся — не насмешливо, а так, будто искренне радовался, что я пытаюсь держаться за привычное, даже когда мир вокруг явно предлагает отпустить.

— Тогда пусть завтрак выберет тебя, — произнёс он и протянул мне лист бумаги.

Это было меню. Но не такое, к каким я привык. В нём не было привычных «омлет», «каша», «блинчики». Вместо этого строчки будто жили своей жизнью, перекликались друг с другом и, казалось, внимательно изучали меня в ответ.

«То, что согреет не только желудок» — гласила первая строка.

«Путь, который начинается с ложки» — вторая.

«Ответ, который ты не ожидал услышать» — третья, выделенная курсивом, будто подмигивала.

Я перевёл взгляд на повара.

— Это... названия блюд? Или жизненные девизы?

— И то, и другое, — спокойно ответил он. — В нашем городе еда — это способ поговорить. Иногда даже с самим собой.

Я вздохнул, но не от раздражения, а скорее от того странного чувства, когда понимаешь: сопротивляться бесполезно, да и не хочется. В конце концов, разве не в этом и есть приключение — позволить миру немного тебя удивить?

— Хорошо, — сказал я. — Пусть будет... «То, что согреет не только желудок». Звучит... безопасно.

Повар кивнул, будто одобрил мой выбор, и скрылся в глубине кухни, откуда тут же донеслись звуки: звон посуды, шёпот пара и что-то похожее на тихий спор между сковородками.

Пока я ждал, за соседним столиком сидела пара, которая завтракала так, будто каждое движение ложки было частью ритуала. Женщина задумчиво смотрела на свою тарелку и тихо говорила:

— Знаешь, мне кажется, это блюдо хочет, чтобы я простила кого-то.

Её спутник кивнул, не поднимая глаз:

— А моё намекает, что пора завести кота. Или хотя бы перестать спорить с часами.

Я невольно улыбнулся. Видимо, тут это нормально — обсуждать с едой свои внутренние конфликты.

Вскоре передо мной появилась тарелка. На ней лежало нечто золотистое, округлое, с лёгкой хрустящей корочкой и ароматом, от которого сразу хотелось верить, что день будет хорошим. Рядом стояла маленькая чашечка с чем-то янтарным — не то мёд, не то сироп, не то жидкий свет раннего утра.

— Что это? — спросил я у подошедшего повара, стараясь не выглядеть слишком озадаченным.

— «Утренний компромисс», — ответил он с видом человека, который точно знает, о чём говорит. — Когда ты хочешь одного, мир предлагает другое, а в итоге получается именно то, что тебе нужно.

Я посмотрел на блюдо, потом на повара, потом снова на блюдо — и не смог сдержать улыбку.

— Звучит как описание моей жизни, — признался я.

— Значит, оно тебе подходит, — спокойно заключил повар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.